

Читайте в серии:

ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

ИСКУПЛЕНИЕ

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

Элеонора Гильм
Волчья
ягода

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

В оформлении обложки использована фотография и иллюстрация:
© Ramonki, Ajuga / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гильм, Элеонора.

Г47 Волчья ягода / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо,
2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-177205-5

Третий роман является продолжением истории непростой жизни Аксиньи Ветер, знахарки и травницы. Россия начала XVII века, Смута, голод, сумятица. Жизнь героини наполнена тревогами о дочери и хлебе насущном. Мужчина из прошлого появится в её жизни и снах, принесёт страх и смятение.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177205-5

© Гильм Э., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Посвящается материнской любви,
самой сильной на свете

ПРОЛОГ

1. Чудо

Матвей зашел в избу, отряхнул кровависто-алые сапоги, оглядел нехитрое убранство.

— Тетка, как вы живете-то? — спросил он, и коричневый рот растянулся в невеселой улыбке. — Далече я был, скучал по вас...

Аксинья не могла ответить племяннику, только сокрушенно пожимала плечами. Она силилась остановиться, но тело не поддавалось ей и продолжало странный обряд: и плечи совершали все более резкие движения, и боль змеилась на лопатках, сковывала спину железным ободом.

Матвей сел за стол, перекрестился на иконы, потом заметил Нюту, свернувшуюся на земляном полу.

— А с ней что? — Он подошел к девочке, перевернул скукоженное тельце. Белое лицо с синими губами не давало возможности усомниться — она видела последний сон. Стылая вечность поглотила тело, а душа отправилась на небеса.

— И ее уморила? Что ты за человек? Всех, всех уморила!

Аксинья с утробным стоном очнулась, ощупала дочь — теплая, дышит.

Все сон. Сон.

Иногда убедить себя было сложно — столь живыми были образы, что возникали в голове. Смерть матери и Мат-

вейки, потеря родного дома забрали ее право на искупление, лишили возможности быть счастливой. Словно засушили в темную кротовую нору.

Только забота о дочери не позволяла заблудиться в сумрачном зимнем лесу меж высоких сосен. Аксинья гнала дурные сны прочь, шептала молитвы, занимала голову и руки повседневными хлопотами.

Ветер бесновался за бревенчатой стеной, сотрясал голые ветви осин, шуршал бурьяном, выросшим за окном прошлым летом. Изба Глафиры привыкла жить без хозяев. Тринадцать лет и тринадцать зим ветшала, проседала вниз, тарасилась пустыми оконцами на тропу, что вела из деревушки Еловой. Огород давно порос травой, сарай и сеник зияли проломанными досками. Ни один из обитателей Еловой не решился утащить что-то из проклятого дома ведьмы Гречанки.

Осенью 1612 года Аксинья и дочь ее Сусанна, Нюта, несчастные погорелицы, переселились в пустую избу, и прошедшие месяцы оказались худшими в их несладкой жизни. Деревушка Еловая, Пермь и весь белый свет страдали от голода, разбойников и нескончаемых войн. И рассчитывать в лихую годину приходилось лишь на себя.

Аксинья прижала к себе тонкое тельце дочери, напоролась на острые лопатки. Нютка с каждым днем становилась все бледнее, хребет выступал, словно кочки на болоте, западали глаза. Недавно еще они сверкали голодом, молили о похлебке, о горсти зерна, о куске хлеба. Сейчас Нюта молчала, и глаза ее были тусклы и бессмысленны.

Аксинья обратилась в зверушку, белку или лесную мышь, что заботится лишь о жизни своей и детеныша, о сухой теплой норе и сытой утробе. Она выбросила из памя-

ти темные кудри, белозубую улыбку, юные надежды и обугленное тело на белом льняном покрывале. Она не корила себя за грехи, не проклинала Семена Петуха, что исчез где-то на пути из Соли Камской в Москву¹. Она со страхом и надеждой встречала каждый день и думала лишь о том, как накормить Сусанну.

К Филиппову посту закончились рожь, капуста, репа. К Рождественскому мясоеду Аксинья выварила старые сапоги, ремни, поршни². В разгар колядок она пришла к Катерине — не кланяться, а напомнить о злодеянии Илюхи, сына Семена Петуха. Прошлой осенью девятилетний неслух пустил красного петуха и спалил дотла двор Вороновых: избу, хлев, сарай, большую часть добра, нажитого основательным Василием, отцом Аксиньи. В хлеву живьем сгорел Матвейка, мужской отросток оскудевшего рода Ворона.

Катерина, мать Илюхи, молча привела Аксинью в погреб, показала сусеки в амбаре — запасов еле-еле хватало до середины весны. Она кивнула на тощего Илюху и стриженого Ваньку, свернувшихся на печи под овчиной. Как можно было винить Катерину за то, что судьба мужчиной любовницы и малолетней Нютки не волновала ее ни капельки?

Аксинья заваривала в кипятке травы: тонколиственный кипрей, мать-и-мачеху, подорожник, — настаивала их на печи. Отвар пах летом и солнцем, освежал пересохшее горло, но не унимал болезненные стоны утробы, которую сводило денно и нощно. Плоть просила еды.

¹ Жизненный путь Аксиньи Ветер описаны в романах «Обмануть судьбу» (Эксмо, 2020) и «Искупление» (Эксмо, 2021).

² Поршни — кожаная обувь. — *Здесь и далее примечания автора.*

Ягоды шиповника и рябины размачивали в теплой водичке и грызли, смаковали пресные, горьковатые ягоды. Акси́нья в который раз кляла себя за пагубную забывчивость. В тот осенний вечер, когда огонь пожирал дом, она не вытаскила из погреба кадушки с солеными груздями и рыжиками, лохани с моченой брусникой. Металась от сундука к сундуку в судорожном тщании спасти добро, а припасы оставила в закромах. Пожар уничтожил то, что сушила, солила, заготавливала на всю зиму.

— Хоть травы уцелели, — подумала вслух и удивилась своему шипящему голосу.

Они с дочерью берегли силы и разговаривали лишь по необходимости. Тишина нарушалась только ободряющим треском дров, насмешливым воем ветра.

Акси́нья раз в день выходила во двор, выливала ведро с нечистотами в яму близ повалившегося забора, чистила крыльцо, узкую тропу до того места, что было лет десять назад воротами — теперь лишь пухлый сугроб напоминал о них.

Она боялась остаться без живого тепла. К весне Акси́нья начала подсчет дровяных запасов, потому не разрешала себе взять больше чем охапку поленьев. В месяцы трескучих морозов Акси́нья протапливала печь днем, закрывала волоковое оконце раньше срока, чтобы дым не уходил наружу вместе с теплом. Порой они с Нютой кашляли до слез, и с буханьем выворачивало их наружу, до самых кишок. Ночь мать с дочерью проводили нацепив всю одежду, словно луковицы в подполе. А было одежек немного: тулуп, теплая да холодная телогреи, старая беличья шуба Акси́ньи, в которую она кутала дочь, два летника, медвежья шкура, добытая где-то Тошкой.

Печка уже прогорела, и последние угольки чуть потрескивали. Нюта провалилась в сон, Аксинья стояла на краешке пропасти сновидений. Она упала, но что-то вернуло ее в темную избу.

В доме сгустилась черной кошкой тьма, но по неуволному отблеску Аксинья поняла, что утро уже наступило. Несмелое солнце обычно с трудом пробивалось сквозь толстый лед, которым было забито единственное окошко. Только к полудню изба и ее обитатели получали толику света.

Голова шумела от бесхлебья и дурных мыслей, а сквозь этот тонкий, обременительно-назойливый звон пробивался какой-то другой звук. Она приподнялась, тряхнула головой, будто движение могло усмирить писк нескольких дюжин комаров.

Иногда Аксинье казалось, что она сошла с ума.

* * *

Последнее, что еловчане слышали о Москве, о необъятной России, внушало надежду.

— Ляхи-то в Кремле сидят, наши казачки их со всех сторон обложили. Скоро выкурят басурман да бошки им поносят, — словоугодничал староста Яков на последнем деревенском сходе в самом начале зимы.

Народ хорошим вестям не верил, потому за внушительной спиной старосты парни и мужики корчили похабные рожи и шептались:

— Княжонок из ляхов¹ на престол сел, вот те крест.

¹ Речь идет о Владиславе, сыне Сигизмунда III. Он являлся наследником Речи Посполитой, а в 1613 году был провозглашен Великим князем Московским, правителем России.

- Царство антихриста, вестимо.
- Не из ляхов он, а из демонов, тех, с рогами и копытами.
- Конец света не за горами. Митька-юродивый, знаешь, что говорил?..

За много лет неурядиц и смуты народ не просто привык к голоду и лишениям — он другого не помнил. Каждый год с неурожаями, высокими податями, болезнями сливался с предыдущим в одну сплошную слякотную дорогу, сойти с которой — значит лишиться жизни. Но и продолжать путь представлялось многим сплошной маетой.

Еловское кладбище каждый год ширилось, захватывало новые земли у чахлого березняка, топорщилось кособокими крестами. Покойников не отпевали, поминки не устраивали... Все силы отдавались живым.

* * *

Нюта уткнулась лицом в теплый бок матери. Аксинья поддернула одеяло, чтобы оно накрывало дочь до самой макушки. За избой кто-то ходил, молчаливый и настойчивый.

Зверь?

Человек?

Тать?

Еловчане редко появлялись на пороге ее дома, две версты¹ до избы знахарки казались в зимнюю бескормицу дорогой, которую не осилить.

Молчаливые гости разверзли уста.

Двое или боле мужчин переговаривались меж собой. Сколь ни напрягала она слух, ничего не могла разобрать.

¹ Верста — 1066,8 м.

Скрипение снега, шорохи, скрежет. Будто зверь скреб когтями по доскам. Кажется, гости расчищали подступ к двери, заметенной выпавшим за ночь снегом.

Резкий стук в дверь. Акси́нья вздрогнула и, соскользнув с лежанки, схватила рубаху и душегрею¹. Она металась по избе испуганной птицей. Подхватила на руки дочь. Осоловелая Нюта таращила глаза и пыталась что-то пискнуть. Мать спрятала ее в сундук, приговаривая:

— Сиди тихо, ни слова чтоб я не слышала. Тихо!

Незванные гости затарабанили в дверь, принялись долбить ее подкованными сапогами. Грохот отдавался в груди, сердце билось в том же настойчивом ритме. К Акси́нье вернулись силы, будто влил кто-то в утробу мясной навар — страх заставлял жидкую, голодную кровь шибче бежать по жилам.

— Иду я, иду, — сказала Акси́нья.

Она спрятала за спину нож, откинула засов и распахнула дверь. Та поддавалась с возмущенным скрипом.

— Здравствуй, хозяйка. Уморились, пока дорогу к терему твоему расчищали. А что ты, голуба, такая неприветливая?

Акси́нья угрюмо смотрела на незваных гостей и берегла слова, пыталась понять, кто нарушил ее покой. Два крупных мужика еле поместились в хилой избенке. Один — тот, что затеял разговор, — лет тридцати от роду, бритый, будто нерусь, говорливый сверх меры. Второй мужик казался куда серьезнее своего товарища, лет на десять постарше, основательный, с усами и полуседой бородой. Оба в доброт-

¹ Душегрея — женская одежда, которая надевалась поверх сарафана, кофта; доходила до талии или поясницы.

ной, хоть и не новой одеже. Не простые крестьяне, а служилые¹ казаки или слуги богатого хозяина.

— А что руку-то правую прячешь? Хлеб-соль забыла предложить? — Бритый ловко зашел Аксинье за спину. Она, кулема, и повернуться не успела.

— Зря так с людьми добрыми обходишься, — покачал он головой, разглядывая нож в ее руке.

Мужики с усмешкой смотрели на Аксинью, оглядывали ее затрапезный наряд, спутанные волосы, впопыхах не покрытые платком. Впору ей смутиться, запунцоветь, прощения слезно просить.

— А что мне вас привечать?

— Эх, голуба, не повышай голоса. Мы с добром пришли, — оскалился бритый. Аксинья увидела, что вместо двух передних зубов зияла дыра. Потому разговаривал он так, будто жевал гороховую кашу.

— Не надо мне от вас ничего, ни худа, ни добра. Идите туда, откуда пришли — и на том разойдемся.

— Бойкая ты! Даром что еле на ногах держишься. Не можем сразу уйти, поручение у нас, серьезное поручение.

Он замолчал, уставился на своего бородатого спутника. Кажется, спрашивал у него совета: мол, дальше-то что делать?

— Дай дух перевести, умаялись от деревни по свежему снегу-то идти, — спокойно сказал бородатый.

Аксинья занялась растопкой печи. За укладкой дров в разверстый зев она пыталась успокоиться.

— Растапливай, да поскорее... Мороз до самых костей жжет, — торопил бритый.

¹ Служилые люди — лица, которые несли военную или гражданскую службу в пользу государства.

— Ребенок у тебя, что холодом-то его моришь? — подержал бородатый.

Женщина не отвечала. Она вытащила из холщового мешочка трут, кресало, похожее на витой бублик, тяжелый кремь и настороженно посмотрела на гостей. Подвинув лавку к печи, мужики мирно расселись, стянули на пол небольшие заплечные сумы — мешки из рогожи с крупной вышивкой на пузатых боках.

Аксинья била кресалом о кремь, но непослушная искра не падала на жженный огрызок льна, что служил ей трупом. Руки тряслись, кресало вихлялось, и Аксинья стукнула себя по пальцу, но даже не поморщилась. Она с трудом вытряхнула из мешочка кусок трута побольше.

— Чего трясешься, голуба? — возмутился бритый, вырвал из ее рук кресало и кремь, вмиг высек искру на льняной огрызок, поднес к дровам. Скоро изба наполнилась горьковато-пьянящим запахом сосновых дров и робким теплом.

Аксинья налила в горшок воду, засыпала траву, поставила посудину поближе к огню.

— А нам отвара своего нальешь, голуба?

— Налью.

«И белены бы в придачу», — добавила в мыслях Аксинья.

Гости не собирались уходить, ждали молча. Бородатый даже задремал, прислонившись к закопченной стене, а вскоре сон сморил и бритого. Аксинья разглядывала мужиков: на головорезов не похожи. Лица ясные, без печати порока и гнева. Давно заметила она, что дурные помыслы и поступки оставляют борозды на лбу, выворачивают губы, морщат лицо, превращая его в истертую подошву.

Аксинья налила в канопки¹ отвар, подошла к мужикам, кашлянула. Они не желали покидать сонную опушку. Аксинья стукнула по плечу бритого: «Эй». Оба очнулись от дремы, благодарно кивнули, не ведая о темных мыслях хозяйки. Пока мужики с блаженным видом тянули горячее варево, сжимали руками глиняные кружки, Аксинья подбросила в печь поленьев: холод не спешил покидать избу.

Бритый прокашлялся, привлекая внимание Аксиньи:

— Ты с дочкой живешь, голуба? Покажи нам ее, девку свою.

— Какая дочка? Одна я живу.

— Да знаем мы все. Ты не бойся, мы худого не сделаем, — мужик с полуседой бородой говорил мягко, точно друг.

— Да зачем вам дочка моя? — с надрывом прокричала Аксинья. — Нет ее здесь, нет!

— А если мы посмотрим, голуба? — Бритый разозлился. — Прятаться особо негде, изба — крохотуля.

— Голуба, ты бабу-то не пугай. Она на нас, вишь, как на людоедов смотрит, — окоротил его бородатый.

— Тощая такая... Кости глотать — не любитель, — захохотал бритый.

— Ты его, балабола, не слушай. Шуткует он. Дочку свою покажь нам... Такое поручение у нас: дочь увидим — дело сделаем...

— Сказала я...

— А я знаю, где девка сидит, — бритый перебил Аксинью и резко распахнул сундук.

¹ Канопка — кружка (*устар.*).

Нюта взвизгнула и попыталась ударить его чугуном, что хранился на дне сундука, но ее тонкие ручонки и цыплячий удар не нанесли никакого вреда.

— Шустрая, — удивленно пробурчал бритый. — Ну голуба... — Словечко это, «голуба», каждый раз выходило у него по-разному: то задиристо, то мягко, то гневно. А сейчас вышло с ласковым укором. Назойливое словцо, видно, стало его прозвищем. Если бы Аксинья не исходила страхом за свое дитя, она бы не сдержала улыбки: до того не подходило нежное прозвище Голуба дюжему бритому мужику.

— Мамушка... — Нюта уставилась на незваных гостей.

Голуба протянул к ней руки, чтобы вытащить, а она оскалилась волчонком. Выскочила из сундука, подбежала к матери.

— На тебя, егоза, глянуть надобно.

— Что на нее глядеть? — спросила Аксинья.

Бритый скорчил потешную рожу. Нюта спряталась за материной юбкой.

— Поглядели? — Аксинья сохраняла дерзкий тон, но все внутренности ее сжимались от тревоги.

— Пошли мы. Спасибо за питье, хозяйка.

Аксинья оторопелым взором проводила гостей. Они плотно закрыли за собой дверь, бритый подмигнул на прощание.

— А мешки дядьки нам оставили? — Нюта с надеждой поглядела на мать.

Испуг ее прошел, не оставив и следа, в голосе слышалось озорство. Такое оживление не появлялось на лице дочки с прошлой сытой осени.

У Аксиньи ноги тряслись, словно пробежала она пять верст без продыху. Все не могла поверить, что странные гости ушли, не причинили вреда ни ей, ни дочке.

Аксинья засунула ноги в старые поршни, распахнула дверь, закричала в предрассветную мглу:

— Стойте, да стойте вы. Эй! — Она подцепила заплечный мешок и охнула. — Тяжелый какой... Эй, Голуба!

— Ишь, запомнила, как зовут, — обернулся, блеснул щербатым оскалом бритый.

Гости удалились от избы по тропе на дюжину шагов.

— Мешки забыли, заберите! На что они мне?

— Ну баба-дура. Забыли... Вам мешки принесли, — сказал бородатый. — В дом иди, не выстужай избы.

Аксинья вернулась в дом, процедила духмяный отвар, разлила по канопкам, протянула дочери. Любопытство манило проверить: что там в мешках? Но она себя сдерживала.

Всему свое время. Казалось, что торопливость и суета принесут разочарование, и в тяжелых мешках с вышитыми на боку скобками-стежками окажется бесполезное.

Нюта ждать не собиралась. Залпом выпив отвар, она развязала мешок.

— Мамушка, смотри. — Нюта с благоговением запустила руки в манящее нутро. — Зернышки.

Аксинья набрала в горсть ячмень. Крупные, светло-бурые зерна отливали золотом. Поверить в чудо посреди голодной зимы 1613 года было совершенно невозможно. Но зерно, живое, сытное, заполняло два заплечных мешка, что принесли неожиданные гости.

* * *

— Я еще хочу варева. Вкуснотища, никогда такого не ела. — Дочка вмиг проглотила скудную горку каши и теперь протягивала Аксинье миску, заглядывала в глаза, словно попрошайка на паперти.

Аксинья ела ячмень по зернышку, смакуя каждую крупинку, прокатывала ее на оголодавшем языке, прикрывала глаза. До самого лета хватит им припасов. Возможно ли большее счастье?

Она старалась не думать о том, кто смилостивился над одинокой бабой с малым ребенком, кто отправил два мешка с ячменем, овсом, рожью, кульком соли, пятью горстями сохлой рыбы, постным маслом и обветренным, но лакомым куском солонины. Человек, живущий в изобилии и довольстве.

Дочка слезла с лавки и подошла к Аксинье, глазенками показывая на чугунок.

— Нюта, нельзя больше тебе... И не проси меня, не гляди в рот. Ты наешься еще, обещаю, дочка. — Она проглотила последнее зернышко под обиженным взглядом дочери.

— Я не наелась. У нас вон сколько варева. — Дочь никогда не перечила матери, а тут разошлась, растревоженная забытым вкусом сытной каши.

— Не спорь ты, дочка! После того, как мы впроголодь сидели, много съешь — пожалеешь. Сказано тебе, Сусанна, нельзя.

Дочка встала из-за стола, сверкнула недовольно синими глазенками. Одни они и остались на исхудавшем личике с темными полукружьями вокруг глаз и пересушенными, бледными губами. Аксинья хотела сказать ласковое слово, приголубить, но сдержалась. Начнешь нежить дитя — опять примется канючить. Жалость терзала материнское сердце, но все, что извела Аксинья за годы знахарства, подтверждало: в жестокости своей она права.

Впервые за несколько недель окаянной жизни Аксинья вышла на божий свет и улыбнулась солнцу. Утробу не со-

трясали болезненные позывы, тело согрелось, голова обрела ясность и равновесие. Свежий снег искрился на солнце, ослеплял своей чистотой, воздух, еще по-зимнему морозный, обещал скорое тепло. Чуткий нос Аксиньи уловил пьянящий этот запах, и она вдохнула его так глубоко, что закашлялась.

— Нюта, айда со мной. Погреешься на солнышке.

— Я спать хочу, мамушка, — буркнула дочь.

Утренние гости почистили крыльцо, отгребли в сторону снежный занос, но Аксинья еще долго скребла деревянным заступом пяточок возле избы. Она управилась со всеми уличными делами, а было их не так много: ни коз, ни кур, ни коровы-кормилицы. Все сгорело или съедено было долгой зимой.

Пригретая солнцем, она мешкала, не хотела возвращаться в темную избу. Подхватив две кадушки со снегом, Аксинья топталась на пороге.

— Нютка, открой дверь.

Тишина.

Она поставила кадушки на крыльцо, распахнула дверь и, встревоженная молчанием, зашла в избу. После яркого света глаза ее не сразу разглядели, что происходит внутри.

— Да что ж ты творишь? — Она выбила из рук дочери ложку, и горсть драгоценного ячменя просыпалась на пол.

— А-а-а, — залилась Нютка, опустилась на колени и стала сгребать в рот кашу вместе с грязным, стеленным еще осенью сеном.

— Выплювай! Плюй на руку, — кричала Аксинья. Нюта неохотно рассталась с кашей, глядя на мать, как на мучителя.

— Много съела? Отвечай!

Дочь заныла, размазывая кулаками слезы по грязной, замусоленной мордашке.